

Моё «Царское Село»

Эта дорога ведёт меня вот уже почти полвека. Каждое утро знакомым маршрутом я поднимаюсь вверх по Дворцовой на Венец. На душе покойно и светло. Зимой скрипит снег под ногами, мороз бодрит, в мае радуется глаз яркая зелень, кружит голову аромат сирени, летом наступает время жасмина. Чуть облетит его белая кисея – и уже липы волнуют неповторимым запахом! Отойдёт их цветенье, отгорит мальва, а там и осень порадуется нежарким солнцем и легко летящим жёлтым листом...

Вот и сквер Карамзина. Он красив в любое время года, но замечательнее всего весной, в мае, когда цветёт здесь любимый кустарник Карамзина – сирень. Волны сиреневого очарования плывут над сквером, радуя ароматом и восхищая своей красотой. Недаром ульяновцы называют его «сиреневым островом».

А вот и бульвар Новый Венец, с которого открывается прекрасный вид на Волгу, чьи спокойные воды катятся в глубь горизонта. О Венеце замечательно написал ульяновский поэт Владимир Пырклов: «Венец! Высота до головок кружения, магнит далей, верховые ветра, близость Волги и неба».

Не зря говорят – место держит человека. Многие годы моя дорога

лежит сюда, на Венец. Здесь в педагогическом институте я училась, а в Ульяновской областной научной библиотеке работаю уже сорок три года.

30 апреля 2023 года Дворцу книги – Ульяновской областной научной библиотеке имени В.И. Ленина исполнилось 175 лет. Столько времени стоит он, «дом на Венеце с видом на всю Вселенную», как когда-то сказала о нём краевед и журналист Наталья Степановна Гауз. Здание Дворянского собрания было построено в 1847 году, а в 1848-м в нём открылась одна из первых публичных библиотек России, созданная симбирянами в память о своём знаменитом земляке Николае Михайловиче Карамзине и названная в его честь Карамзинской.

С торца здания был прежний вход в Карамзинскую общественную библиотеку. А в «лета, не столь отдалённые» здесь же, под окнами, росли кусты ежевики, и мы, юные, весёлые, беззаботные молодые библиотекари срывали вкусные ягоды, спеша утром на работу.

«Берусь за ручку массивной двери – и начинаю новую страницу своей жизни.

Но пролистаем несколько страниц назад...

Жил-был отдел

«Ну, где же эти чёртовы девки?! Куда их опять унесло?» – ворчала «мама Света», дымя сигаретой во дворе библиотеки в обеденный перерыв.

Мы вихрем пронеслись мимо неё вдоль по залитому солнцем бульвару Венца вниз, по склону Волги, на давно облюбованное место для дневного рабочего перерыва. Да и грех было не убежать, когда день солнечный, мир вокруг по-июньски прекрасный, и возраст «чёртовых девок» – всего лишь двадцать лет... И бежали мы под бугор крутого волжского склона, расстилали заранее приготовленную скатерть, раскладывали домашние съестные припасы и сажались обедать... Этот обеденный час был наш девичий праздник, он пролетал мгновенно, но успевал столько всего вместить и оставить в памяти: наши шутки, секреты о женихах, проказы, радости и огорчения... Чтобы не сердить добрейшую «маму Свету», мы быстренько складывали нехитрые наши пожитки и спешили на любимую работу.

А работа и правда была любимой! Здесь, в библиотеке, нам дорого было всё: стеллажи с книгами,

рабочие кафедры обслуживания читателей, посетители.

«Товарищи читатели! При выборе книг в фонде открытого доступа пользуйтесь, пожалуйста, закладками!» – этот призыв, а вернее, приказ оглашала наша Галинька, библиотечкарь-консультант, начиная рабочий день. Испуганные читатели мгновенно хватались за школьные линейки, служившие им закладками, и судорожно вкладывали их в книжные проёмы. А мы с Галкой уже летели дальше, в другой книжный зал, распаховали окна навстречу солнцу, срывали на ходу ягоды ежевики, кусты которой росли прямо под окном... Летели, взявшись за руки, как летела наша общая, дружная молодость!

С этих трёх комнат, ставших позже мемориальной зоной, началась моя жизнь в библиотеке 4 июня 1980 года. Встретили меня две строгие чопорные дамы – директор Зинаида Владимировна Ерофеева и её заместитель Инна Эдуардовна Барановская. Как сейчас помню себя, с замиранием сердца стоящую перед ними в клетчатой юбочке и блузке с рюшами. Мне задавали вопросы, а я благоразумно и твёрдо отвечала и в итоге была направлена на работу в отдел абонемента этого огромного, как мне казалось, храма литературы – Дворца книги. Так начались мои рабочие будни в библиотеке, а по существу – моя жизнь.

Светлые это были дни... Мы ещё тогда не понимали, в каком месте работаем, не осознавали, что история живёт вокруг нас, что каждый камень старинных зданий вокруг имеет свой возраст и своих великих мастеров.

Будни начинались с наведения порядка на кафедрах, расстановки книжного фонда и карточек в каталожные ящики. Приведя кафедры в порядок, мы ждали читателей. В десять часов утра открывались двери, и зал молниеносно наполнялся посетителями! Они выстраивались в очередь за каждым из трёх рабочих мест. Мне нравилось заполнять формуляры, искать и предлагать книги, беседовать с читателями.

Вспоминаю всех, с кем довелось работать: Таню Стрункову, Таню Кривохижину, Олю Поселянову, Наташу Прокофьеву, Олю Тихонову, Свету Воронину, Александру Ивановну Наумову, Розу Бариевну Салахову...

Библиограф Е.В. Ложкина с читателями в отделе редких книг УОНБ. Журнал «Смена», 1951, №22

Абонемент всегда гудел, как улей. Нашими читателями были замечательные люди, университетские педагоги Владимир Зеркалов, Татьяна Кеушкова, Надежда Алексеева, Венедикт Барашков, актёры Борис Александров и Иван Жигилий, врачи Ольга Абсалямова и Людмила Никогда, краеведы Жорес Трофимов и Сергей Петров, музейщики Юлия Володина и Ирина Земскова, гостями нашими были дирижёр Андрей Борейко и актёр Лев Прыгунов... Подолгу рассказывал свои истории Борис Мынов, читала стихи Лилит Козлова, предавался воспоминаниям Владимир Марцинкевич. Да сколько их было, интересных людей! Наступало утро нового дня, и Светлана Дмитриевна Веретенникова в лёгкой шёлковой блузке и белой вязаной шали, обойдя книжный фонд и окинув строгим

взглядом своих подопечных, бралась за книги Галочкиного фонда. Каждый раз, ставя книжку на законное место на полке, она ворчала на Галку, нравоучительно поучала нас, укоряла за нерасторопность и – расставляла, расставляла за нас книги! Наша заведующая родным абонементом, Светлана Дмитриевна Веретенникова, была добрым, интеллигентным человеком. Она любила нас, беззлобно журила, прощала опоздания, отпускала на свидания... Она жила с нами общей жизнью и молодела вместе с нами!

А нашу Галиньку, как все её звали, Галю Мухину, ставшую позже Галиной Остроущенко, она любила особенно. Волосы у Галиньки были цвета мёда, голос весенней певчей птички, глаза светились озорством и лукавством. В ней была всемирная, безраздельная, неистребимая доброта, какая-то солнечность...

Часто после майской или ноябрьской демонстрации мы собирались дома у Светланы Дмитриевны. Она жила в центре города, в просторной сталинке с высокими потолками, видом на старинные купеческие особняки. Стол был уже частично накрыт, об этом всегда заботился её муж, Владимир Васильевич, радушно принимающий нас и легко вступающий в беседу со всей нашей шумной

компанией. Галка называла его «римским императором» за изящный профиль и благородную осанку.

Наталья Агапову мы в шутку называли «библиотечным монстром». Она знала все книги в фонде. Можно было не обращаться в каталог, а спросить у Наташи, и она обязательно находила нужную книгу или подсказывала, чем её заменить. Наталья отличалась любовью к английской литературе, была знатоком хорошего чая и большой любительницей поспать по утрам. Вероятно, поэтому она всегда работала во вторую смену. Как истинная англичанка, она могла не спеша пойти на окраину города в поисках особенного сорта чая или крема для рук. Такое путешествие доставляло ей удовольствие, она наслаждалась неспешной праздной прогулкой, созерцанием природы и мира вокруг. Пить

Компьютеров тогда не было...

ощущаю их горьковатый запах... Мария Емельяновна была нетороплива, говорлива и деликатна. Она дарила нам уют, душевное равновесие и комфорт, сглаживала наши конфликты.

Тамара Алексеевна Великанова была пианисткой. Своё прошлое – рояль, вечернее бархатное платье, концерты – она вспоминала часто и с удовольствием. При ней невозможно было говорить громко, вести себя шумно и неподобающе храму книги. Главным её критерием во многих суждениях было мнение покойного мужа. Часто её монолог начинался так: «Мой покойный Пётр Иванович считал...». Говорила она это с необыкновенным пафосом. Нам всем казалось, что «её покойный Пётр Иванович» считал именно так, как того хотела сама Тамара Алексеевна... Она следила за своим здоровьем, много ходила на лыжах и пешком, легко совершала спуски и подъёмы по лестнице от Венца к волжскому берегу. У меня сохранилась подаренная ею на рождение дочери уютная книга сказок «Приключения в папоротниковой долине», которую я часто перечитываю сама, задерживаясь глазами каждый раз на её дарственной надписи...

Милые, скромные труженицы, спутники нашей молодости, вы навсегда остались в памяти...

Наука в белом воротничке

В информационно-библиографическом отделе царил особенная атмосфера. Там все были заняты поиском... Утром из-под широко развёрнутых полос «Литературки» можно было увидеть длинные стройные ноги наших «библиографинь». Здесь все всё знали! Чего-то не знать было стыдно.

Наши «библиографини» считали себя аристократками, держались с достоинством, в санитарные дни удивляли друг друга необычными кулинарными изысками и оригинальными историями. Проводя мероприятия, они щеголяли умом и красноречием.

Курьёзов с читателями тоже было много. Лариса Матвеевна Брюхович, библиограф и книголюб, вела тетрадь, куда записывала смешные истории. Вот, к примеру, диалог читателя и библиотекаря.

Читатель: «Дайте мне что-нибудь из Герцена». Библиотекарь: «Вы «Сороку-воровку» читали?» Читатель:

чай в её обществе было священнодействием. К чаю полагались вкусные пирожные, дорогие шоколадные конфеты и лёгкая, ни к чему не обязывающая беседа. Все мы были примерно одногодки, но Наталья казалась нам «дамой без возраста» или, лучше сказать, «дамой на все времена».

Помню солнечные блики на полу, открытое окно, в которое майским прохладным утром вливался аромат сирени, тихий шелест книжных страниц, склонённые над книгой головы читателей, библиотекарей на рабочих местах, просматривающих свежую периодику.

А свидания... О, эти свидания! Они, конечно, были. Кавалеры гроздьями висели на наших читательских кафедрах, бравируя независимостью и юмором, новыми джинсами и фразами из популярных кинофильмов и книг. В те времена мы читали Булгакова и Бродского, Бунина и Куприна, Сэлинджера и Воннегута, Ремарка и Пруста. Это было время интеллекта, время книжников и поэтов!

Привратницы

Их миссия была простой, незаметной, но весьма необходимой. Этих добрых, милых пожилых дам, выполнявших роль смотрительниц, на моей памяти было три.

Когда отдел абонемента находился ещё в старом здании, роль контролёра выполняла Галина Фёдоровна Бурцева. Она чинно восседала на своём рабочем месте при входе

в отдел. Рядом с ней стояла кушетка, на которую она приглашала присесть ожидавших посетителей, когда выстраивалась очередь. Вообще-то она была не Фёдоровна, а Феопемптовна. Но такое отчество мог выговорить не каждый, и она милостиво согласилась на «Фёдоровну». Характер у неё был сложный, поговаривали, что своего мужа она не приняла, когда он вернулся из сталинских лагерей. Встречая читателей, она торжественно вручала им закладку, чтобы не нарушали строго выверенную расстановку книг в фонде. Особенно она вдохновлялась, когда наступало лето, молодёжь шла с обходными листами, на которых нужно было поставить штамп, что ты чист перед библиотекой и ничего ей не должен. Тогда Галина Фёдоровна превращалась в главнокомандующего армией, быстро рассеивала толпу, отправляя обходников любоваться Волгой на Венец. «Все – на Венец! Гуляйте, гуляйте, любуйтесь летним Венецом!» – обычно призывала она, обращаясь к толпе шумной молодёжи...

На смену ей пришла милейшая и интеллигентнейшая Мария Емельяновна Чеченева, супруга обкомовского служащего, всегда аккуратно причёсанная и одетая. Она любила сотрудниц абонемента как своих дочерей, приглашала их домой в гости, вкусно кормила и пила чаем. Помню подаренные ею цветы – скромный букетик душистого табака, выращенного в своём саду. До сих пор